

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л 77

Лопато, Семён.

Л 77 Облако / Семён Лопато. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Городская проза).

ISBN 978-5-17-113156-2

Над городом С. нависает inferнальное Облако, которое завладевает жителями.

Причудливо и зловеще меняется жизнь людей.

Но когда приходит Спасатель, у города появляется шанс.

Сюжет с непредсказуемыми поворотами пугает и заставляет задуматься: не являемся ли мы сами героями романа?

Сатирический и, в тоже время, философский роман о вещах, которые, быть может, заставили бы беспокоиться и размышлять братьев Стругацких, будь они сегодня с нами.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113156-2

© Текст. Семён Лопато, 2019
© Оформление
ООО «Издательство АСТ»

— Это что, блокпост? — спросил Вадим.

— Вы с ума сошли, — ответил водитель. — Просто кирпичная будка. Здесь когда-то был пост ГАИ. По-моему, она уже развалилась.

Подсвечивавший равнину солнечный блик вяло истончился и погас, все вокруг стало серым.

— Все, не могу, — сказал водитель, — сил нет, сколько уже едем. Приторможу, отолюю. Вы не против?

Рассекая воздух, машина мчалась по пустому шоссе.

— Не против, — сказал Вадим. — Благословляю. У будки и остановите.

Резко взяв вправо, с визгом затормозив и выскочив из машины, водитель, перепрыгивая через арматуру и битое стекло, побежал за будку. С трудом разгибая затекшие ноги и спину, Вадим выбрался из машины. Отойдя на два шага, он посмотрел кругом.

Мириады крохотных пепельных частичек, словно необъятная взвесь от только что спаленного гигантского архива, наполняли пространство над головой и вокруг. Нависая над дорогой, накрывая поле, иногда отсвечивая темно-лиловым под бликами секундно пробывавшегося солнца, они сгущались вдали все больше и больше, так что не более чем километрах в двух отсюда глаз уже упирался в сплошную черную стену.

Подошедший водитель, затягивая ремень брюк, проследил за взглядом Вадима.

— Облако, — с неожиданным уважением в голосе произнес он.

Налетевший ветер поиграл травой, прораставшей сквозь мусор вокруг будки.

— Странно, — сказал Вадим. — Феномен, артефакт мирового масштаба — а никому и дела нет. Где CNN, где журналисты, где шумиха — как будто и не случилось ничего.

Водитель пожал плечами.

— А чего шуметь, — сказал он. — Если б это в Москве было... А так — кому этот райцентр нужен? Одно слово — глушь. Отсюда хоть пять дней на «Феррари» несись — ни до какого государства не доедешь.

— Государство у нас одно, — назидательно сказал Вадим.

— Ну да, это понятно, — сказал водитель. — Особый путь, духовная миссия, через тернии в жопу, и все такое. — Он, оглядевшись, сплюнул. — Поехали?

Забравшись в машину, они хлопнули дверьми; легко тронув с места, тяжелый черный «Майбах» стремительно рванул по шоссе, все больше зарываясь в сумрак.

— И что, — сказал Вадим, — так за все время ни одного репортажа не было?

— Да все было, — сказал водитель. — И съемочные группы приезжали, и сюжеты снимали, и даже в программе «Время» показывали. А толку-то? Сенсации раздувают, когда они важны каким-то финансово-промышленным группам, контролируемым определенными политическими структурами. А здесь-то что? Кому такая сенсация сдалась? Посмотрели и забыли. Не протянет долго такая сенсация, скукожится.

Вадим улыбнулся.

— Как политолог рассуждаете.

— А я и есть политолог, — откликнулся водитель. — Это только рейхсляйтер Борман от шофера подъемным стеклом

отгораживался. Здесь тоже такое есть, только Виктор Иванович об этом не знает. Сколько лет Виктора Ивановича вожу, столько и слушаю, что на заднем сиденье перетирают. Политика, политика — уже из ушей лезет. Чего только не обсуждали. Такого наслушался — хоть сейчас в газете колонку готов вести. Только вот вакансий нет.

— Ну да, — кивнул Вадим. — Все места заняты. — Он подумал. — Другими шоферами. Ладно, всего-то осталось — до мэрии меня довезете, и все. Свободны, как вольный ветер.

— Насчет обратного пути-то договорились? — спросил водитель. — Если Виктор Иванович скажет — заберу. А то сюда и поезда-то не особенно ходят.

— Это позже. — Вадим посмотрел на экран мобильного. — Телефон не ловит. Сети нет.

— И не будет, — отозвался водитель. — Мобильная связь здесь не действует. С тех пор, как Облако появилось, восемь лет уже. Ребята из «большой тройки» приезжали, с базовыми станциями мудрили, мерили что-то — все без толку. Не проходит сигнал.

— Так как же они...

— А так. — Водитель коротко прыснул. — С помощью пейджеров.

— Чего?..

— Пейджеров. Помните, были такие?

— Пейджеры. — Вадим подумал. — Их, по-моему, лет двадцать и не производит никто.

— Значит, производит, раз тут все ими обзавелись. Без пейджеров теперь никуда. — Водитель включил дальний свет. — Ну все, подъезжаем.

Выключив ненужный мобильник, Вадим устало ткнулся затылком в прохладный изгиб анатомического кресла. Ночь. Непроглядная чернота по обе стороны от дороги

и медленно приближающаяся россыпь огней городской окраины. Все привычно, обыденно и, в сущности, совершенно нормально — если не считать того, что в нескольких километрах отсюда бушевал солнечный летний день. Виктор Иванович, подумал он. Если кто и заинтересован в этом, то кто-то повыше Виктора Ивановича. Виктор Иванович, в сущности, пешка. И я, которого выдернули разруливать все это в самый неподходящий момент. А может, наоборот, в спасительный. Не хочу сейчас думать об этом. Не желаю.

Длинные массивы типовых жилых зданий стремительно приближались.

— А еще раньше радиосвязь использовали, — сказал водитель. — Рации, знаете, такие, как у охранников. Смотришь, идет девушка, держит перед собой рацию и говорит: «Теперь я все понимаю — я тебе с самого начала не нужна была, ты только о себе думаешь. И не любишь ты меня. Прием?» Только потом отобрали, оказалось, менты тот же диапазон используют, типа, эфир им забивают. Так что теперь только пейджеры.

Мимо облупленных пятиэтажек и покосившейся водонапорной башни они въехали в город. После мостика через крошечную речку, там, где улица пошла слегка в гору, по просьбе Вадима они остановились. Круглая афишная тумба стояла справа от дороги, с трех сторон подсвеченная в темноте вкопанными в землю прожекторами. Опустив стекло, Вадим минуту разглядывал свеженаклеенную афишу.

Грандиозное незабываемое представление!
Снова в городе Великолепная и Потрясающая,
ни с чем не сравнимая Плавающая Опера!
На среднем течении речки Семиструйки, за мостом
на Левый берег, на празднично декорированной

дрейфующей платформе — красочное и масштабное представление оперы Мейербера «Гугеноты»!

Афанасий Тигелев — в роли Рауля, Вера

Тихорецкая — в роли Валентины.

Захватывающие пиротехнические эффекты, прожекторное шоу, новаторская современная сценография.

В представлении участвует

всем известный конь Василий.

С благословения архиепископа

Железнодорожников-Илимского и Крутецкого Феофана.

Народный праздник, цветы для женщин, крещение в реке Семиструйке всех желающих.

Подняв стекло и нервно усмехнувшись, Вадим дал знак водителю двигаться дальше. Город преподносил первый сюрприз. Все было непонятно — почему православный архиепископ благословил оперу во славу протестантов, что делали посередине реки Афанасий Тигелев и Вера Тихорецкая и чем был продиктован такой странный выбор репертуара и такой воинствующе экзотический вариант его подачи. Мимо пролетали городские кварталы. Интересно, кто будет производить крещение, подумал Вадим. Остается надеяться, что не конь Василий. Хотя, если вдуматься, каким еще способом классическое искусство может в современных условиях, так сказать, оставаться на плаву. И вообще, что, в сущности, представляет собой это неожиданное форматворчество — дерзкий порыв влить в традиционные классические формы новую струю или попытку плыть по течению? Плохо у меня с юмором, подумал Вадим. Опустился до дешевых каламбуров. В нормальном состоянии я бы себе такого не позволил. Он закрыл глаза.

Это, наверно, было самым страшным в Ларисе — эти неожиданные, спокойные, разом все отрезающие фразы. Произнесенные обычным ровным тоном, с какой-то стойкостью обреченного всезнания, с отрешенной уверенностью, по нелепой, пустяковой причине переносящие на тебя опыт, полученный с кем-то другим, сообщающие то, что уже решено и не может быть оспорено. Ты живешь, ничего не подозревая, и вдруг в один момент, посреди тишины, получаешь все это, то, что в какой-то несчастливый миг запало ей, то, что она вынашивала, обдумывала, не советуясь с тобой, — быть может, в какой-то момент это еще можно было перехватить, и доказать, и переубедить, но все шло исподволь, и ты в беспечности не замечал этого, и вот все сказано, и ничего нельзя исправить. Поделом тебе, подумал он. Ты ведь был чуть ли не феминистом. Ты сам говорил, смеясь, что стервой обычно называют женщину, действующую в собственных интересах. И ты так себе нравился в этот момент — поднявшийся над мужскими слабостями и предубеждениями, широко мыслящий, повторяющий, что в жизни, слава богу, видел от женщин только хорошее. Это было неправдой, но именно таким ты хотел видеть себя, и ты сам почти что в это поверил. Ну так на тебе — вот они тебе, в полный рост — женская воля, и самостоятельность, и индивидуальность, все, что ты так ценил и уважал, — с размаху, от сердца, наотмашь, получи и распишись. Странно, я был такой рассеянный и благодушный в это утро — что редко со мной случается, и в этот момент, складывая в кухне на столе какую-то дурацкую маечку, она сказала: завтра я съезжаю от тебя. Кто-то из великих сказал, что срок любовных переживаний мужчины недолог — если он не застрелится сразу, то через две недели он будет в порядке — и вот две недели прошло, и я живой, я хожу, вижу, разговариваю,

даже способен думать, я знаю — понимаю умом — что должно прийти облегчение, но оно не приходит, и уже не верится, что придет, — все это было однажды, тогда, двадцать лет назад, я был студентом-третьекурсником, и я расстался с ней — с девушкой, с которой был готов связать свою судьбу, память размыкает тяжелые воспоминания, и, наверно, поэтому я лучше всего помню, как выходил из всего этого. Я мучился тогда, и тогда мне вдруг приснился Ронни Джеймс Дио — сидящий в ботфортах на бампере какого-то фешенебельного автомобиля — я даже потом понял, откуда это, с буклета какого диска это взято — хотя тогда это было неважно — неподвижность и тишина, холодный бессолнечный свет бесконечного, запредельного пространства, и больше ничего. Он смотрел на меня, как и полагается небожителю, мудрым, всепонимающим, чуть грустноватым взглядом, и вдруг он сказал, глядя на меня, так просто и словно освобождаяще: «Одиночество — всего лишь слово». И я проснулся, и я сразу почувствовал, что мне стало легче. Грусть, страшная, ломающая грусть, и все-таки как будто тропинка назад, и беззвучное белое утро, и мир, где-то там за окном, и ты пойдешь по этой тропинке, пусть медленно, и отчаяние, как грустная сестра, будет глядеть тебе вслед, пока не потеряет из виду и все не кончится.

Машину тряхануло на ухабе.

Поэтично, подумал Вадим, да, поэтично, просто набрать чернил и плакать, только совсем не похоже, чтобы нечто подобное случилось сейчас, на этот раз. В одну реку нельзя войти дважды (даже если это река Семиструйка, ехидно подсказала ему какая-то часть сознания, не подверженная сантиментам, всегда готовая к холодному остервенелому остроумию), не получится ничего. И Дио умер, и знать бы, где эта тропинка.

С узкой, петляющей улочки машина свернула на проспект.

— Ну вот, почти приехали, — сказал водитель. — Что хорошо здесь, так это пробок нет.

— Потому что машин нет, — сказал Вадим.

— Ну почему, — сказал водитель, — сами видите, попадают. Новые, конечно, мало кто покупает, да и подержанных тоже, но выкручиваются как-то, ремонтируют, ремонтных мастерских понаоткрывали, приспособливается народ. А в общем-то, не подумайте — обычный провинциальный город. Темно только.

Они пересекли маленькую площадь и остановились у массивного здания в глубине.

— Ну вот, мэрия, — сказал водитель. — Ну, типа, я свое дело сделал, возвращаюсь. Дальше вы уж сами. Что передать Виктору Ивановичу?

Обернувшись, Вадим подтянул с заднего сиденья пластиковый чемоданчик.

— Не знаю я, что передать, — сказал он. Он посмотрел на здание, в тусклом свете фонарей выступавшее из тьмы. — Коммунистический привет ему передайте.

— То-то он обрадуется, — согласился водитель. — Ладно, вы уж поосторожней тут. Про эти места вообще-то много чего болтают, я, правда, ничему не верю, ну да кто его знает. С городского телефона звоните, если что.

— Если что? — спросил Вадим.

Ухмыльнувшись, водитель протянул ему руку. Пожав ее, Вадим выбрался из машины. Слыша за спиной аристократический рев удалявшегося «Майбаха», шагая по асфальтовой дорожке между зачахшими клумбами, он поднял глаза. Здание мэрии, явно построенное в эпоху, когда архитектура считалась архитектурным излишеством, угрюмо нависало

над площадью шестью массивными этажами — судя по расположению окон, потолки в помещениях были неприлично высокими. В нескольких окнах горел свет, большинство погашенных, впрочем, говорило скорее об отсутствии разумной жизни. Вход в здание предваряло некое подобие колоннады с четырехугольными гранитными колоннами; проходя между ними, Вадим на секунду остановился перед свеженаклеенной афишей.

Вниманию всех!
 В пятницу в 19:00 в помещении
 ДК Газоацетатного завода:
 Фестиваль экстремального металла
 Участвуют группы:
 Копыто Люцифера
 Euphoria Diabolica
 Infernalìa Prima
 Ангелы Бафомета
 Врата Ахримана
 Tormentor Dei
 Специальный гость фестиваля —
 группа Incunabula Dagonica
 По окончании — автограф-сессия.
 Come and stay dark!
 Билеты в кассах ДК

Перечитывая названия групп, Вадим еще мгновение постоял перед афишей. В объявлении чего-то не хватало. Возможно, упоминания о том, что мероприятие проклято архиепископом Железногорск-Илимским. Подивившись разнообразию музыкальных вкусов местных жителей, двинувшись дальше и отбросив ногой предмет, о который чуть

было не споткнулся (это оказался старый противогаз с разбитым стеклом), он вошел в здание.

Допотопной вертушке со сторожившим ее подслеповатым вахтером предшествовала площадка с окошком бюро пропусков. Сунув в него свой паспорт и, к своему удивлению, через минуту получив его обратно вместе с пропуском, поданным рукой в зеленом мохеровом рукаве и с перстнем с россыпью искусственных изумрудов, он предъявил пропуск медитировавшему вахтеру (тот не шевельнулся), протиснулся через вертушку и, заглянув в бумажку с номером комнаты, поднялся на второй этаж.

На втором этаже в просторном холле перед явно запертой дверью с табличкой «Помощник мэра Финютин С. В.» потерянно слонялся человек в рубаше в красную клетку, полотняных брюках, кедах, с взъерошенной шевелюрой и в массивных роговых очках. Увидев Вадима и поспешно подойдя к нему, он протянул ему руку.

— Бляхин, — сказал он. — Синоптик.

В некоторой задумчивости Вадим обменялся с ним рукопожатием. Разумеется, синоптику полагается иметь вид фольклорного идиота, выходящего в летний солнечный день на улицу на лыжах и в свитере с красными оленями, но в предстоящем совещании он рассчитывал на несколько иное представительство. Словно что-то почувствовав, человек быстро обернулся.

— В общем-то, все уже подъехали, — торопливо сказал он. — Вон, видите, вещи бросили, просто покурить вышли. А Сергей Владимирович сейчас будет. Да вот они все.

Со стороны лестницы озабоченно приближались несколько человек, причем, как это всегда бывает, кто из них помощник мэра, было видно сразу. Точно так же безошибочно опознав в Вадиме человека из Москвы, помощник

мэра с радушной и, как показалось Вадиму, почти искренней улыбкой чуть придержал его за плечо, пока остальные заходили в кабинет.

— Полчаса официоза, прошу прощения. Нужно комиссию провести, все-таки протокол, сами понимаете, так уж положено. А потом уже поговорим, так сказать, приватно.

Вслед за всеми Вадим вошел в кабинет. Своей внешнестью помощник мэра неуловимо напоминал ему какого-то порноактера, чье лицо постоянно попадалось ему, когда, переключая программы спутникового телевидения, он проходил через эротический канал — то же слегка смазливое лицо с предупредительно-неконфликтным выражением, не лишенным, однако, некоторого достоинства.

Вошедшие расселись за длинным столом. После вступительных двух-трех фраз (судя по всему, все присутствовавшие были давно знакомы друг с другом) включился проектор, и на экране возник первый кадр презентации.

Судя по розданной повестке дня, это была первая из четырех запланированных презентаций, призванных отобразить текущее состояние дел в городе, связанное с присутствием Облака, — химической, геофизической, метеорологической (чем, видимо, объяснялось присутствие синоптика) и санитарно-эпидемиологической. Первоначально, судя по первым кадрам презентации, подобные заседания комиссии проходили ежемесячно, затем ежеквартально, а в последние три года — раз в полугодие. Подперев кулаком щеку, Вадим покорно следил за меняющимися изображениями.

Технология презентаций, введенная практичными американцами как способ показать кратчайший путь к деньгам, в России, как и все, приходящее с Запада, была по-своему переосмыслена, результатом чего стало возрождение,

казалось бы, навсегда ушедшего в прошлое искусства народного лубка — прием, применявшийся за рубежом для обнажения смысла, в отечественных условиях стал использоваться для преобразования текста любой длины в книжку с картинками. Одним из следствий этого стало, между прочим, то, что руководство полностью перестало читать какие-либо бумаги и перешло к мышлению на уровне пиктограмм, что же касается исполнителей, то они, побрыкавшись, в итоге смирились с необходимостью подготовки презентаций как с дополнительным неизбежным злом.

Во всех четырех презентациях ключевым было слово «стабильность». Химическая обстановка была стабильной. При этом, правда, тот факт, что стабильность объема и конфигурации Облака вне зависимости от изменений температуры окружающей среды находится в грубейшем противоречии одновременно с законами Гей-Люссака и Менделеева — Клапейрона, как сокрушенно заметил докладчик, по-прежнему не находил объяснения, и вопрос нуждался в дальнейшей научной проработке. Геофизическая обстановка также была стабильной, если не считать несоответствия между картиной распространения в Облаке электромагнитных излучений и положениями кинематической теории дифракции, упомянув о котором, докладчик предпочел на эту тему больше не распространяться.

Метеорологическая обстановка также была стабильной — установившееся за время присутствия Облака годовое распределение среднесуточных температур в настоящее время соответствовало климатической обстановке Южной Норвегии, объявив о чем, синоптик торжествуяще обвел взглядом присутствующих, ожидая то ли криков восторга, то ли яростных возражений, ни того ни другого, впрочем, не последовало.

В области санитарно-эпидемиологической обстановки стабильность господствовала безраздельно. Сезонная вспышка острых респираторных заболеваний была безжалостно подавлена, население послушно делало прививки, а ни единого случая птичьего гриппа за все время существования Облака вообще не было зафиксировано; впрочем, на корреляции этих двух факторов докладчик не настаивал.

В целом атмосфера была затхлой. Чувствовалось, что время бурных обсуждений происшедшего давно прошло, все копыта давно были сломаны, эмоции растрочены, а сами исследования сдулись и перешли в стадию скептицизма и рутинной отчетности — судя по отношению присутствовавших к происходящему, финансирование также было стабильным, но уровень его явно недостаточным.

Выслушав слова благодарности со стороны помощника мэра за интересные сообщения и объявление, что следующее заседание состоится завтра в три часа, участники стали неспешно расходиться. Ожидая помощника мэра, вышедшего проводить гостей, оставшись в пустой комнате, Вадим некоторое время сидел у стола, рассматривая бессмысленные дипломы на стенах. Не зная, чем себя занять, он встал и подошел к окну.

Неподвижность и тишина. Черный пустынный пейзаж, отчужденный и без движения, как где-нибудь на Венере, темное застывшее пространство с редкими огоньками стоявших в отдалении домов и тусклыми искорками временами появлявшихся медленно двигавшихся машин. Все выглядело каким-то зыбким и нездешним, и странным казалось, что там, вдали и внизу, может быть какая-то жизнь и есть люди.

Слегка запыхавшись, помощник мэра, на ходу ослабляя петлю галстука и стаскивая пиджак, вернулся в комнату.

Повесив пиджак на спинку кресла и заглянув на полку с кофейными чашками, он быстро оглянулся.

— Кофе будете?

Не слушая ответа, включив кофе-машину и поставив рядом с ней чашки с брошенными в них кусочками сахара, казалось, с некоторым облегчением он занял свое место в кресле за столом.

— Задолбали, уроды, — словно интимно жалуясь, сообщил он. — Четвертый раз одни и те же презентации привозят. Только даты поменяли и на диаграммах по столбику прибавили. Ни стыда ни совести. И еще увеличения финансирования требуют.

— Откуда они? — спросил Вадим.

— Из Санкт-Петербурга, — ответил помощник мэра. — А эпидемиолог и климатолог из Новосибирска. Серьезные институты, нам еще в самом начале их порекомендовали — с самого верха, кто знал, что все так закончится. Вы извините за этот спектакль, о вас меня предупредили, для вас настоящие материалы приготовлены, сейчас принесут, специально отбирали. Вам с молоком?

Секунду подумав, Вадим подсел поближе.

— Что-нибудь расскажете? — мгновенно помедлив, спросил он.

Некоторое время помощник мэра, казалось, раздумывал, помешивая в чашке ложечкой.

— Все потому, что жертв нет, — как будто даже с некоторым сожалением сказал он. — Если б жертвы были, все б по-другому обернулось, сразу бы все забегали, давно бы разобрались и решили все. Сначала так и было — как выброс на химкомбинате случился, сразу чрезвычайное положение объявили — облако-то огромное, черное, МЧС набежало, эвакуацию было начали — народ-то здесь